

A cinematic scene set in a dark, misty forest at dusk. In the foreground, an old man with a long white beard and a wide-brimmed hat is seen from the side, holding a double-barreled shotgun. He is looking towards a large, dark, scaly monster with a wide-open mouth full of sharp teeth, which is emerging from a river. The background features jagged mountains under a sunset sky with orange and purple hues. The overall mood is tense and mysterious.

Юрий Гализдра

Рассказ:
Странное
место

Юрий Гализдра

Рассказ: Странное место

<https://litres.ru/74477587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сумеречная долина, по стечению обстоятельств ставшая местом пространственного смещения, открывшего путь тварям из иных миров. Старый охотник, волею случая запертый в этой пространственной аномалии.

Содержание

Юрий Гализдра	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Юрий Гализдра

Рассказ: Странное место

Юрий Гализдра

Странное место

1

Сумеречный дол темной зеленью привычно заглянул в мутное, с обеих сторон покрытое разводами застарелой грязи стекло оконной рамы. Небольшое и слегка покосившееся, врезанное в бревенчатый сруб избы, старое окно со следами облупившейся синей краски показалось подслеповатым оком, что выглядывало наружу, упорно пытаюсь разглядеть окрестный мир, но с каждым новым днем охватывая все меньшее пространство. Оно, это псевдо-око, чем-то напомнило Корнею самого себя, с течением лет дошедшего до существования в своем собственном и весьма ограниченном мире.

«Эхе-хе, - даже не вслух, а больше про себя вздохнул старик, выглянув наружу и скользнув мутным взглядом из-под нависших кустистых бровей на склоны гор, густо поросшие дремучим лесом, - Глухомань наша. Одичавшая».

Нет, здесь не всегда было так дико и пустынно. Когда-то, в пору юности Корнея Сидоровича Горбунова, в этой долине кипела жизнь большого села Кузьминки, населением едва ли не в восемьсот, а то и в тысячу душ, наполняя окрестности движением и суетой человеческого улья.

«Давно это было, - потускнел взором старик, вызывая в памяти воспоминания, а заодно и ностальгию по ушедшим временам, - Весело тогда жилось. Весело и со смыслом».

Эка его сегодня развернуло к воспоминаниям о прошлом... словно блуждающие странные боли в конечностях, встревожили его смутные отголоски ушедшей молодости. Молодости кипучей и суетливой, торопящейся творить и создавать. В те времена, ныне подернутые пеленой субъективных суждений, неумный характер молодого Корнея не давал ему покоя, заставляя крутиться белкой в колесе жизни и отпуская только на коротенькие передышки, едва позволявшие перевести дух.

Если рассудить по совести, жизнь его особо и не жалела. Ребенок немногочисленного поколения детей большой войны, он с раннего возраста познал острую необходимость тяжелого труда ради добычи тех малых крох пропитания, что давали возможность выжить и вырасти. Голод ходил тогда в этих глухих краях. Голодно было и тяжело. Впрочем, как и во всей большой стране, преодолевающей лишения и потери.

«Зато общий быт населения страны Советов, ныне канувшей в небытие, словно ее и не бывало, спланивал лю-

дей в единую общность... - подумалось, вспыхнув зарницами ушедшего прошлого.

Давно прошли те времена, уступив место лихолетью проданных вместе со страной девяностых, а затем и вовсе сменившись той противоположностью, против которой выступал предыдущий правительственный строй. И если первый период старик помнил с переменной отчетливостью, то время, которое потянулось потом, воспринималось несколько отстраненно и со стороны. Наверное, потому, что постепенно выродилось оно в некую тягучую субстанцию, затянувшую его сознание, будто липкая паучья сеть. Жизнь, прежде бывшая ключом в здешних местах, постепенно, с каждым новым годом, стала сбавлять темп и сходить на нет. Так уходит в скалистую землю лесной родник, нащупав другой, более подходящий путь. Прежде многолюдный, поселок стал хиреть и умирать, как отмирает перебитая конечность, усыхая в подобие культи. Сперва начали обрываться трудовые связи и из здешних мест постепенно ушли все возможные предприятия, включая полулегальные артели. Затем стали обрываться социальные сношения, ибо молодое поколение постепенно покинуло родные края в поисках работы и достатка, оставив стариков доживать свои дни в обветшалых дворах. Как следствие этого процесса, очень скоро, словно последние конвульсии агонизирующего организма, стали исчезать и сами дворы, оставляя вместо себя забурьяненное пространство земельных участков с остовами заколоченных

мертвых домов. Вымерло население, ибо не осталось у него ни цели для жизни в здешнем краю, ни надежды...

Дряблое око уловило через стекло какое-то смутное движение на ближайшем из склонов лесистых гор. Уловило и напряглось, выискивая подтверждение. Почудилось. Слишком далеко. Да и не к чему. Не осталось в родном доле более ни единой живой души кроме него самого. Наверное, уже лет с пять... А может больше...или меньше...

Корней не хотел покидать родные места в поисках лучшей доли. Ни к чему, да и не к кому. Некогда большой и многочисленный, род Горбуновых давно рассыпался по частям и разъехался по бескрайним просторам былой огромной страны. Оставшийся на родине, единственный представитель рода ныне даже не представлял, где могут ныне обитать те, с кем он связан одними корнями. Старшее поколение, прожив свои жизни, ушло в небытие, не передав наследникам знания о родственных связях, да и те не проявили желания к их восстановлению, обретаясь каждый в своем мирке...

Зрение снова уловило смутное движение на ближайшем гористом склоне, примыкавшем к долине и отвлекло от хода мыслей. Корней потянулся к охотничьему биноклю и, вскинув его, присмотрелся сквозь оконное стекло. Медведь, с виду лет пяти-семи от роду. Рослый и с заметной проплешиной на лбу, оставшейся от широкого заросшего давнего шрама. Старый знакомый и сосед. Они сосуществовали рядом в последние пару лет, узнавая друг друга, но не пересекаясь на-

меренно. Соблюдали закон взаимоуважения и на этих паритетных правах друг другу не вредили. Пусть кормится. Ему нужно набрать жир для предстоящей зимовки.

О чем он? Да, о родственных связях. Не стоило и горевать об утерянной связи с родом, если от собственной семьи остался только прах... А семья, которую создал и долгие годы лелеял Корней Сидорович, на самом деле осталась только в его воспоминаниях, в последнее время всплывавших лишь в виде обрывочных сновидений. Не осталось никого. Давно. Лукерья, жена, отходившая рядом с ним свой отмеренный жизненный путь, уже, почитай, без малого двадцать лет как почил вечным сном на заброшенном деревенском кладбище, одарив его тремя сыновьями, да дочерью-последышем... Старик встряхнул седой патлатой головой в такт горестным мыслям. Все прошло. Минуло бесследно. Дети выросли и уехали искать в миру лучшей жизни. Где-то они там... Михаил, Сергей, Алеша и Надежда... Живы ли? Здоровы? Бурное низменное бытие подхватило их и унесло, оставив ему только одиночество. Поначалу не верилось. Ждал. Даже пару раз дожидался коротких наездов, уже не узнавая в отпрысках тех, кого он когда-то воспитал. Шумные, молодые и энергичные... и безмерно далекие... свои дела... интересы... Корней не роптал. Глупо выставлять претензии ко времени. Оно все равно не услышит и не отзовется. Каждому свое... Свой век...

Он давно уже обитал здесь один. Так, что породнился с

одиноким. Научился разговаривать с ним. И окончательно этот симбиоз завершился сращиванием в ту пору, когда поблекли дни, затянутые сумеречной пеленой, что постепенно напознала на его бытие, взявшись из неизвестного источника. Пелена, такое подобие призрачного тумана, затянула прежде светлый дол и окружающие его лесистые горные склоны, казалось, тоже посуровели, потеряв изрядную долю красок. Затянула так, что заметно потускнели даже солнечные периоды, приходившие с хорошей погодой. С тех пор старик так и обитал в этом сумеречном мире, доживая свои дни.

«Что за сравнение? Может быть, никаких сумерек и нет? Может, то причуды стариковского зрения?»

Корней чертыхнулся и встал с ветхого стула, на котором только что сидел у окна. Не все ли равно, что с его отмирающим зрением? Мало ли на что он уже махнул рукой, став отшельником в умершем родимом селении? Ни тебе связи с родными, ни связи с окружающим миром вообще. Даже пенсию, положенную ему по старости, он не получал уже... и даже перестал задумываться об этом. Покинутый всеми, он словно застыл в вакууме безлюдья. Только тень-одиночество, да сосед-медведь - его нынешняя компания...

Корней протянул сморщенную сухую руку, покрытую возрастной пигментацией, и, ухватив за ремень, снял со стены висящую двустволку. С ней он уже не расставался весь прошлый месяц. С тех пор как почуял присутствие Твари. Или

тварей...

Он не знал и не мог понять, каким образом так случилось. Возможно, что изменения произошли с приходом сумерек, однако чувства могли быть слишком субъективными. Просто однажды случилось так, что окружающий лес перестал ощущаться знакомым и родным, впустив в себя нечто чужое. Это чужое быстро освоилось на новых местах, сотворив себе обитель и поставив под угрозу жизни всех тех, кто мог попасть в эти окрестности....

Несмотря на возраст, рука еще имела необходимую силу и твердость. Шутка ли, целую жизнь с ружьем. Закинув двустволку на плечо, старик одернул старенький поношенный пиджак с грубыми заплатками на локтевых сгибах, затянул ту же поясной ремень поношенных холошей и, прошаркав через сени, вышел на освещенное светом крыльцо. Положение светила на небосводе показывало приблизительный полдень, однако казалось, что из солнечного излучения изъяли основную часть его энергии. Ни тебе толком света, ни тепла. Хотя..., наверное, опять виновна подслеповатая старость.

Его ветхий дом, расположившийся почти на самой окраине заброшенного поселка, стоял на пригорке таким образом, что, выйдя на крыльцо, старик мог окинуть взором почти всю долину и окрестности горных склонов. Внизу, поблескивая мелкорябистой водной гладью, меж прибрежных зарослей змеилась местная речушка, негромко шумя на ближайших перекатах. При полуденной ясной погоде такой пейзаж

должен был играть красками последнего летнего месяца, радуя глаз и вызывая привычное чувство отрады. Однако, вместо этого легкое ощущение тревоги пришло вместе с незнакомым сернистым запахом, донесшимся от воды. Невдалеке что-то звучно плюхнуло, словно крупное животное нырнуло в ближайший омут. Корней быстро перевел туда взор, однако успел ухватить только мелькнувший смутный продолговатый силуэт и быстро успокаивающиеся волны, сглаживаемые резким боковым ветерком. То ли рыба, то ли... Старик снова погрешил на подслеповатость, решив, что привиделось.

Странности начались, наверное, едва нынешнее лето вступило в свои права. На смену обычной весне, едва буйно отцвели заброшенные одичавшие сады, неожиданно пришла зябкая, едва освещенная тусклым солнцем погода с обильными морозящими дождями и густыми туманами, спеленавшими всю округу. Эти туманы, вопреки всему, словно не боялись солнечного сияния и при ясной погоде лишь отступали в лесную чащу, не исчезая совсем. Вместе с этим туманным сумраком, воцарившемся в прежде оживленной долине, пришло какое-то опасливое оцепенение природы, словно замершей в ожидании чего-то нехорошего.

Он почувствовал это не сразу – все-таки человеческое естество значительно уступает в осязаемости звериным способностям. Однако, уже через неделю неожиданно поймал себя на мысли, что не слышит привычного щебетания разно-

образной птичьей живности. Птицы словно вымерли, оставив долину в поисках более дружелюбной местности. Впрочем, не они одни. Наплывшая на дол мрачная тишина прогнала от себя и жизненную активность насекомых, сгинувших, словно их и не бывало. Даже сверчок, издавна обитавший за русской старинной печью обветшалого бревенчатого дома, вдруг запропастился, обделив жилище привычным стрекотом.

Лесная живность до последнего еще присутствовала, словно сопротивляясь зловещей сумеречности. Однако тоже все меньше. Сначала еще улавливалось в лесной чаще движение осторожных копытных, еще попадались следы рывшихся в дерне диких кабанов, да уверенный след матерого лося. Но с течением новых недель и эти следы стали постепенно исчезать. В последнее время и вовсе, заходя в чащу, Корней более не находил признаков жизни, словно та превратилась в подобие пустыни. Лишь знакомый бурый мишка еще бродил в округе, заметно сдав в весе вопреки законам своего предосеннего бытия.

Старик вздохнул и, склонившись, поправил край портянки, выбившейся из голенища кирзового сапога. Потом распрямил спину и всмотрелся вниз, где в серебре струящейся речной ряби и вправду усмотрел что-то необычное. Да, слабеющее зрение на этот раз не подвело. Прямо в стремнине, среди зеленоватой воды угадывался продолговатый хищный силуэт крупного существа. И походил не на рыбу, хотя

общие признаки выдавали склонность к обитанию в водной среде.

Корней крикнул и неторопливо спустился с крыльца в тесный двор, огороженный старой изгородью из штакетника. Однако интерес к увиденному не оставил. Проверив, насколько удобно лег на плечо ремень двуствольного ружья, он тихо, по охотничьей привычке избегая шумных движений, побрел по дорожке, начинавшейся прямо за оградой двора и ведущей по склону вниз, прямо к тихой речной заводи, где издавна обустроил место для рыбной ловли. Захотелось приглядеться с более близкого расстояния.

Сегодня заводь встретила его необычным запахом. Густой сернистый дух исходил от водной глади, перемешиваясь с чем-то гнилостным. Корней ступил на галечный бережок и тут-же едва не вступил во что-то темное, источающее вонь разложения. Старик всмотрелся. На галечном берегу валялся шмат бесформенной рыбьей плоти, выкушенный и вырванный во время трапезы хищника, а затем выброшенный на сушу могучим мотком его головы. Подобное разрывание плоти, нехарактерное для здешних зверей, Корней когда-то видел по телевизору, когда тот еще не сломался. Кажется, что-то из жизни океанических акул.

Он всмотрелся, но так и не понял, из какой части тела рыбьей туши уцелел этот ошметок. Возможно, то был крупный карп...или сазан... Кто его сейчас разберет... Корней Сидорович шагнул в сторону, обходя кусок мертвой рыбыны, ма-

шинально оглядывая прибрежный пяточок у заводи, не заросший растительностью, и отметил еще пару кусков такого-же гнилья. Кто-то явно пообедал здесь выловленной добычей, жадно разрывая ее на куски.

Чутье, встревоженное увиденной картиной, неожиданно просигнализировало о стороннем внимании. Старик дернул седой головой, поведя взглядом по сторонам, а затем всмотрелся в водную гладь прямо перед собой. Поверхность речной воды мутилась мелкой рябью, мешая рассмотреть то, что скрывалось в глубине и пришлось напрячься в усилиях рассмотреть хоть что-то. Не выходило, так как солнечные лучи уподобили гладь зеркалу, мешая проникнуть за границу отражаемой поверхности. Помогла тучка, внезапно появившаяся на небосводе и на короткое время отбросившая тень на стоявшего на берегу человека. Зеркальный эффект вдруг прошёл, и на старика из мутной глубины глянуло нечто чуждое, от присутствия которого по телу пошла волна оторопелости, обжигающе холодная и оставляющая после себя россыпь мурашек.

От неожиданности Корней испугался и чуть было не отшатнулся назад. Провалами больших глазниц за ним из глубины наблюдало широкомордое существо с невероятно толстогубым алчным ртом. За толстыми бледными губами, так похожими на рыбье зеву, старик мог поклясться, прятался ряд острых кинжалообразных зубов. Очертания и форма существа терялись в зыбкой мути, однако тело представилось

довольно громоздким.

- Фу ты, черт!!! – все-таки чертыхнулся последний житель селения, машинально схватившись за ремень ружья, - Захочешь, не забудешь!!!

Тварь в глубине не нападала, замерев в ней тревожным призраком, однако, предосторожности ради, не отводя взора, Корней отступил от берега на несколько шагов, наставив в ее сторону ствол своего оружия. Словно почувствовав, что возможная жертва способна дать отпор, та также стала пятиться в глубину, пока вовсе перестала различаться глазом. Вскоре и тучка, своей тенью неволью устроившая это странное рандеву, сошла с небосвода, снова покрыв поверхность воды привычным серебром отражения.

Озадаченный увиденным, старик оставался погружен в размышления на протяжении всего обратного пути к дому. Кабы ему о подобном рассказал кто-либо, то, как и всякий другой человек Корней Сидорович поднял бы его на смех. Слишком неправдоподобно. Собственным глазам же, так или иначе, приходилось верить. Даже если разум отказывался дать оценку увиденному.

«Словно в преисподнюю заглянул, - подумал он, снова оказавшись у изгороди собственного двора, - Жуть... Благо никто больше моего страха не узрит».

С этой мыслью старик схватился за штaketину, нащупывая калитку, но тут же замер, покосившись в сторону и встретившись взглядом с застывшим неподалеку медведем.

«Батюшки!!! – едва не охнул он вслух, силком заставив себя сохранить видимое спокойствие и не потянуть ремень двустволки, - Это что сегодня делается?!!»

Испуг сменился жалостью, едва Корней заметил впалые бока косолапого. Ни больше, ни меньше, а голод от недостатка пропитания заставил того выйти к человеческому жилью.

- Значит, плохо стало совсем в лесу, - вслух сделал он вывод, из осторожности продолжая удерживать зверя в поле зрения, - Оголодал мишка.

Услышав его голос, медведь остался на месте и только с урчанием провел лапой по знакомому шраму-проплешине на косматой голове.

- Ну что же, - добавил старик, убедившись, что лесной гость не проявляет агрессии, - Придется тебя покормить, раз уж на то пошло.

Последовать за ним во двор косолапый желая не изъясил и остался за оградой, внимательно следя за действиями хозяина, которому пришлось отыскать во дворе и приволочь к нему старую, выдолбленную из колоды деревянную кормушку. Только когда в кормушке оказалось высыпанное из ведра зерно, да кое-что из корнеплодов, остатки которых еще хранились в погребе, медведь оживился и, приблизившись, стал жадно поглощать предложенное, огласив тихую округу хрустом и чавканьем. На Корнея, ушедшего за оградой, гость внимания почти не обращал, а тот наблюдал за ним со смесью любопытства и жалости в блеклых очах.

Насмотревшись на звериную трапезу, старик вскоре занялся несложными домашними делами, так что, увлекшись, даже не заметил, как тот подался обратно под лесную сень. Лишь к вечеру, уже загнав своих немногочисленных несушек в курятник, хозяин дома вернул кормушку на положенное ей место, машинально отметив, что она вылизана до зернышка.

«Что же творится, на самом-то деле? – задался вопросом Корней Сидорович, привычно скользнув глазами по заросшим лесом склонам гор, обступивших речную долину, ища в тусклой зелени хоть проблеск движения, - Странное что-то и непонятное. Не наше»

Как ни старался, взгляд ничего не нащупал. Даже присутствия недавнего косолапого гостя. Зато память неожиданно подала ему жуткое воспоминание уродливой морды чудища, глядевшего на него из речной глубины. Мотнув давно небритым лицом, старик нервно дернул плечами и прошел в дом. Ночь приближалась и гредила тревожным ожиданием.

2

Ночевка прошла беспокойно и показалась слишком тягучей. Наверное, из-за не проходящей тревожности. Корней по-стариковски долго не мог уснуть, а затем, когда все же провалился в сон, то спал больше поверхностно, просыпаясь по внутреннему взведенному будильнику через определенные промежутки времени и внимая тому, что происходило за пределами его ветхого жилища.

Впрочем, за все это время ничего особо тревожащего он так и не уловил несмотря на всю опаску. Ночь укутала его в жилище, словно в толстом ватном одеяле, тяжело обложив и изолировав от любых звуков. Против обыкновения, даже дыхание недалекого леса ныне не проникло сюда и лишь однажды за все время старику почудилось, что кто-то осторожный подкрался под самую стену дома и тихо обнюхал ее, стараясь не нарушить безмолвие собственным дыханием. Хотя... может все-таки показалось...

Едва мертвенным отсветом забрезжило раннее утро, старый охотник уже был на ногах. Ощущение плохого, не отпускавшее всю ночь, никуда не ушло, оставив напряжение и ощущение постоянного ожидания. Это ощущение, заставившее Корнея Сидоровича провести ночь в обнимку со старым ружьем, подарило нерешительность в поступках и боязнь выйти за порог собственного дома. Преодолевая себя последний житель деревни дополнительно экипировал себя топором, засунув его за поясной армейский ремень, вложил в голенище сапога старый кухонный нож с самодельной деревянной ручкой, и только тогда, посчитав, что подготовился достаточно, отодвинул тяжелый внутренний засов и толкнул дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.